

ДОКТРИНА ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ (2020) И ESG-ТРАНСФОРМАЦИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА И АПК РОССИИ

Ринат Искандярович РЕЗВАНОВ^{1,2}

¹Советник по направлению устойчивого развития и образовательной деятельности
Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный
исследовательский центр картофеля им. А.Г. Лорха»

²Старший научный сотрудник Центра международных финансов
Федерального государственного бюджетного учреждения

«Научно-исследовательский финансовый институт Министерства финансов
Российской Федерации»

Адрес для корреспонденции: 140051, Московская область, городской округ Люберцы,
д.п. Красково, ул. Лорха, д. 23 «В». Т.: +7 (498) 645-03-03. E-mail: kraspgk@yandex.ru

Аннотация

В настоящей статье впервые предпринята попытка соотнесения ключевого для отечественного сельского хозяйства и АПК национального документа стратегического планирования – Доктрины продовольственной безопасности России и проблематики развития устойчивого производства продовольствия и ведения сельского хозяйства (в т.ч. ESG-трансформации). В исследовательском фокусе – вопросы корреляции доктринальных установок с тематикой устойчивого развития и адаптации к природно-климатическим угрозам и рискам; текущий анализ уровня самообеспечения основными продовольственными товарами и определение степени его воздействия на перспективы отраслевой ESG-трансформации («факторный вес»).

Рассматривается проблематика соотношения понятийного аппарата между российской доктринальной практикой и общепринятой международной в сфере устойчивого производства продовольствия и ведения сельского хозяйства, вопросы ведения регуляторной политики, определения действенных механизмов работы государства с товарными агропродовольственными цепочками внутри страны.

Ключевые слова

Доктрина продовольственной безопасности России; зеленая экономика; экологическое, социальное и корпоративное управление (ESG); ответственное инвестирование; устойчивое сельское хозяйство; зеленая и адаптационная таксономия; климатически оптимизированное сельское хозяйство.

FOOD SECURITY DOCTRINE (2020) AND ESG-TRANSFORMATION OF RUSSIAN AGRICULTURE

Rinat I. REZVANOV¹

¹Advisor for Sustainable Development and Academic Activities (SD/AA),
Federal State Budgetary Institution of Science «Lorch Potato Federal Research Centre»

²Senior Researcher of International Finance Centre,
Federal State Budgetary Institution

«Financial Research Institute of the Ministry of Finance Russian Federation»

Address for correspondence: 140051, Russian Federation, Moscow region, Lyubertsy urban district,
Kraskovo, Lorkh Str., 23 V.

Abstract

In this article, for the first time, an attempt was made to correlate the key national strategic planning document for domestic agriculture and the agro-industrial complex – the Food Security Doctrine of the Russian Federation and the development of sustainable food and agriculture (including ESG-transformation). The research focus is on the issues of correlation of doctrinal attitudes with the topics of sustainable development and adaptation to climate change threats and risks; current analysis of the level of self-sufficiency in basic food products and determination of the degree of its impact on the prospects for sectoral ESG transformation («factorial weight»).

The problematics of the correlation of the conceptual apparatus between between the Russian doctrinal approach and generally accepted international practice in the field of sustainable food and agriculture, the issues of conducting regulatory policy, determining effective mechanisms for the state to work with commodity agro-food chains within the country are considered.

Keywords

Food security doctrine of the Russian Federation, green economy, environmental, social, and corporate governance (ESG), responsible investing, sustainable agriculture, green and adaptive taxonomy, climate-smart agriculture (CSA).

Введение

Сельское, лесное и рыбное хозяйство в России – один из наиболее динамично растущих секторов экономики по объему инвестиций в основной капитал. Так, если объем вложений на 2015 год составлял 518,8 млрд руб., то уже в 2016-м – 623,4 млрд руб. (+20,1% к прошлому году), в 2017-м – 705,5 млрд руб. (+13,1% к прошлому году), в 2018-м году – 781,5 млрд руб. (+10,7% к прошлому году), в 2019-м году – 838,8 млрд руб., с приростом +7,3% к прошлому году (Рис. 1) [1, с.108]. Правда, необходимо признать: значительная доля капвложений в АПК приходится на государство, в частности, по состоянию на 2018 год оно обеспечило 37% инвестиций в отрасль. Причем за

период 2016–2018 годов из федерального бюджета на развитие отечественного АПК было направлено порядка 800 млрд руб. [2, с.26].

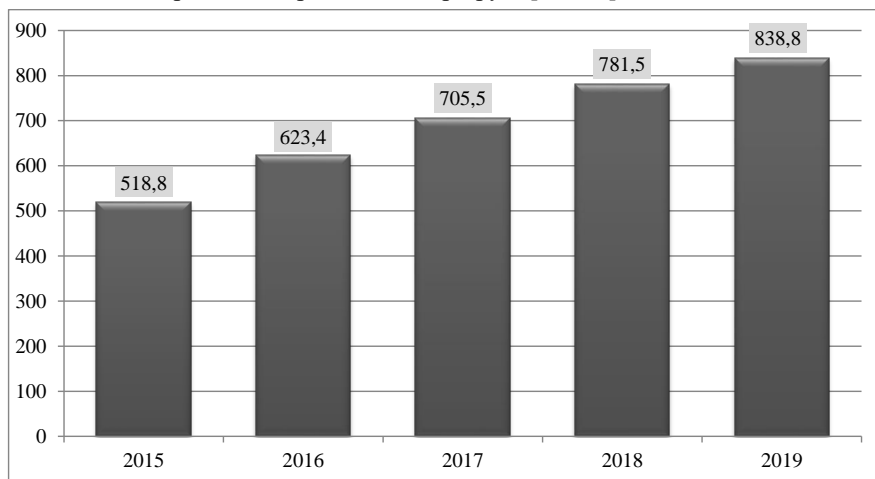

Рис. 1 – Объем инвестиций в основной капитал сельского, лесного хозяйства, охоты и рыболовства, рыбоводства (млрд руб., в текущих ценах)

Источник: [1]

В то же самое время уже во второй половине 2010-х годов наметилась тенденция постепенного сокращения доли сельского хозяйства и АПК в экономике страны. Так, в абсолютных цифрах отраслевой объем в структуре ВВП страны снизился с 3,6 трлн руб. в 2016 году до 3,33 трлн руб.¹⁰ в 2019-м (Рис. 2). Общее структурное уменьшение доли «сельского, лесного хозяйства, охоты, рыболовства» на 0,2 процентных пункта в период с 2017 по 2019 гг. фиксируется и Аналитическим центром при Правительстве РФ [3, с.5].

Одновременно в качестве одного из ведущих приоритетов финансово-инвестиционного развития отрасли со стороны государства заявляется о необходимости увеличения объема привлекаемых внебюджетных средств в сектор сельского и лесного хозяйства, охоты и рыболовства. Так, по результатам проведенного в апреле 2019 года совещания, темой которого стала разработка комплекса государственных мер по наращению объема инвестиций в АПК к 2024 году, Минсельхоз России объявил о поставленной задаче выхода

¹⁰ Показатели за 2019 год Statista, одна из крупнейших мировых дата-платформ, приводит в качестве прогнозных, ссылаясь на данные Минэкономразвития РФ (<https://www.statista.com/statistics/1064022/russia-gdp-from-agriculture/>)

на показатель в 822 млрд руб. частных инвестиций в 2024 году, в сравнении с 444 млрд руб. в принятом за базовый 2017-м году (при среднегодовом темпе роста в 4,5%) [4].

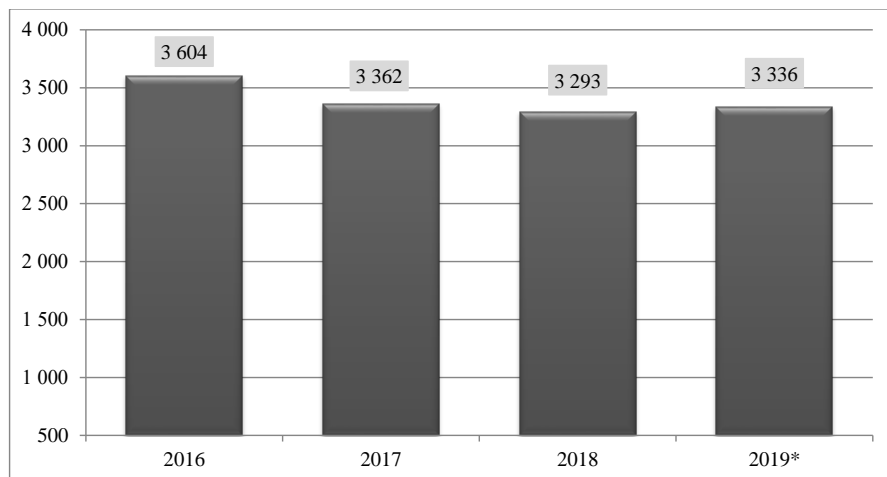

Рис. 2 – Годовой объем валового внутреннего продукта (ВВП) сельского хозяйства России (в млрд руб.)

Источник: Statista 2022 (Statista.com)

* Данные на 2019 год приводятся Statista 2022 с учетом прогнозных показателей Минэкономразвития РФ.

Таким образом, существенным вопросом на сегодня для российского АПК является определение стратегических инвестиционных и финансово-экономических параметров дальнейшего развития. Причем в условиях, когда, с одной стороны, объемы инвестирования в отрасль увеличиваются, а с другой – наметился тревожный тренд сокращения доли сельского хозяйства, как в абсолютных, так и относительных показателях в структуре ВВП России. Конечно, есть понимание, что государство продолжает оставаться ключевым отраслевым инвестором. Но в текущих условиях и государство уже прямо артикулирует о необходимости увеличения объема внебюджетных (частных) капиталовложений, прекрасно понимая, что сколько угодно долго описанная выше разнонаправленная динамика в отраслевой макроэкономике, продолжаться не может.

Цель и задачи исследования

Зеленая (или ESG) повестка, несомненно, приобрела статус большого вызова для российского сельского хозяйства и АПК. Однако значение данного вызова вовсе не исчерпывается требованиями повышенного соблюдения экологических стандартов и принципов ответственного потребления. В мире действует целая линейка международных моделей финансовых инструментов и стандартов нефинансовой отчетности в сфере устойчивого развития. И отечественный АПК вполне способен и должен воспользоваться открывающимися возможностями, обеспечив для себя не только новые направления инвестиционно-экономического развития, но и технологическую, операционную ESG-трансформацию инфраструктурных проектов.

Приведенный тезис оказывается тем более актуальным, поскольку, согласно озвученным первым зампредом правления Сбербанка Александром Ведяхиным данным, верифицированным со стороны Российской академии наук, для целей соответствия сельского хозяйства принятой российским правительством осенью 2021 года стратегии низкоуглеродного развития необходимо проинвестировать отрасль в объеме 3,6 трлн рублей до 2050 года. И, как подчеркивается, это потребует в том числе привлечения значительных внешних заимствований [5].

Ключевую роль в складывающихся условиях приобретают национальные документы стратегического планирования, с пониманием степени корреляции между заложенными в них установками и предъявляемыми общепринятыми параметрами устойчивого (ESG) развития. Для российского АПК основополагающей является Доктрина продовольственной безопасности¹¹, представляющая собой базовый документ для разработки нормативных правовых актов в сфере обеспечения продовольственной безопасности страны, развития ее агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов [6, с.276–277].

Результаты исследования

Изначально одним из ключевых сдерживающих факторов развития российского сельскохозяйственного сектора на принципах зеленой экономики называлось его стадийное качественное отставание от достигнутых развитыми странами параметров. В наиболее выкристаллизованном виде этот ключевой аргумент, появившийся в 2010-х годах, представлен, в частности, в

---

¹¹ Указ Президента Российской Федерации от 21.01.2020 г. № 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» // Kremlin.ru: Официальный сайт Президента России [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/45106> (дата обращения: 15.02.2022).

аналитических публикациях Центра агропродовольственной политики ИПЭИ РАНХиГС. Центр является одним из ведущих российских think tank's в сфере агропродовольственной политики, занимаясь в том числе, что важно для нашего исследования, комплексным мониторингом и анализом достижения целевых положений Доктрины продовольственной безопасности России (2020¹²).

По мнению экспертов Центра, «Для развитых стран, решивших задачи первых этапов продовольственной безопасности, ставить целью поддержку доходов (а не роста производства!) фермеров вполне допустимо. У них на повестке дня уже не количество произведенной продукции, а экологичность, сохранение ландшафтов, среды обитания диких животных и т.д. В России же с ее импортозависимостью по мясу и стагнацией молочного скотоводства главной все еще является цель увеличения производства. Однако Россия испытывает сильный прессинг после вступления в ВТО и взятыми обязательствами по сокращению мер “желтой корзины”» [7, с.14].

Приведенный тезис за прошедшее время несколько не потерял в своей значимости, более того – он и сейчас продолжает уверенно оставаться в числе базовых в структуре отраслевого дискурса о перспективах ESG-трансформации¹³ российского АПК¹⁴.

Впрочем, перед тем как перейти к детальному рассмотрению текущих доктринальных параметров по самообеспеченности основными продовольственными товарами применительно к целевым установкам ESG-трансформации в российском АПК, сразу заявим существенную оговорку. Дело в том, что действующая Доктрина довольно активно оперирует понятием устойчивого развития. Например, оно идет третьим («устойчивое развитие и модернизация сельского и рыбного хозяйства и инфраструктуры внутреннего рынка») в перечне из двенадцати национальных интересов государства в сфере продовольственной безопасности на долгосрочный период; первым («устойчивое развитие производства сельскохозяйственной продукции, сырья и

---

¹² Год принятия действующей Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации приводится исключительно в целях уточнения и проведения различия с первым изданием Доктрины в 2010 году.

¹³ Определение *ESG-трансформация* приводится в соответствии с терминологическим корпусом, приведенным в монографии [8] и понимаемым как «преобразование деятельности компаний и финансовых учреждений в направлении более полного учета необходимости защиты экологии, социального развития и совершенствования корпоративного управления».

¹⁴ Например, в том или ином контексте и качестве искомый аргумент приводился представителями крупных агропродовольственных компаний в рамках делового бранча «Сельское хозяйство и ESG-трансформация: вызовы и возможности» в ходе крупнейшей отраслевой выставки «Золотая осень – 2021» [9].

продовольствия, достаточное для обеспечения продовольственной независимости на основе принципов научно обоснованного планирования») в числе тринадцати основных задач обеспечения продовольственной безопасности, причем с константным значением, поскольку в тексте специально подчеркивается: «независимо от изменения внешних и внутренних условий».

Обращает на себя внимание то оперантное значение, которым в Доктрине нагружается понятие устойчивого развития – оно в первую очередь, если не исключительно, соотносено с принципом обеспечения продовольственной независимости, нежели с какими-либо иными смыслами. Хотя, заметим, в тексте упоминается необходимость достижения Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года (Цели устойчивого развития), принятой Генассамблеей ООН 25 сентября 2015 г., среди задач в сфере внешнеэкономической политики.

Подобная семантика оперантного использования понятия объясняется отраслевыми экспертами прежде всего как следование логике консервативной парадигмы, изначально заложенной в самую сердцевину доктринальной структуры, опирающейся на перманентную безусловность обеспечения именно собственного производства продовольствия. «В основном так в мире не работали», – резюмирует тот же руководитель центра компетенций в АПК консалтинговой компании KPMG Илья Строкин. В своей аргументации он ссылается на пример США и Китая, являющихся одновременно крупными как экспортерами, так и импортерами продовольствия. А в случае с Новой Зеландией, одним из крупнейших экспортёров – игроков на рынке премиальной мясо-молочной продукции, сам импорт исходного мяса происходит из Австралии, что объясняется соображениями экономической рентабельности [10].

Собственно приводимый доктринальный конструкт *устойчивое развитие производства сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия* является синтаксическим уподоблением *концепции устойчивого производства продовольствия и ведения сельского хозяйства (sustainable food and agriculture)* Продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединенных Наций (ФАО ООН). С одной лишь существенной разницей: трактовка принципа устойчивости в исходной концепции ФАО ООН при сравнительно-типологическом анализе все же выявляет значительное расхождение с

заложенным в логико-структурной модели Доктрины пониманием. В своих широко известных *пяти основных принципах устойчивости агропродовольственного сектора* ФАО ООН недвусмысленно акцентирует внимание на следующем подходе: «если раньше эффективность выражалась преимущественно в терминах урожайности (столько-то кг продукции с гектара), то в будущем, говоря о повышении продуктивности, необходимо будет учитывать и другие измерения. Все большее значение будут приобретать производственные системы, в которых учитываются факторы потребления воды и энергии, поскольку дефицит воды растет, и сельскому хозяйству придется изыскивать пути сокращения выбросов парниковых газов. Это скажется на использовании удобрений и других сельскохозяйственных ресурсов» [11].

Зафиксировав артикулируемый ФАО ООН подход, мы обнаружим явное расхождение в определении и понимании базовых понятийных значений между российской доктринальной практикой и общепринятой международной. Достаточно обратиться к принятому *Плану мероприятий («дорожной карте») по реализации положений Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации*¹⁵, чтобы увидеть его достаточно слабую корреляцию с общепринятым методологическим подходом ФАО ООН к политикам устойчивого производства продовольствия и ведения сельского хозяйства. Не говоря уже о том, что если Доктрина напрямую требует в сфере организации и управления обеспечением продовольственной безопасности *учитывать влияние изменений природно-климатического характера на состояние отечественной экономики*, то заложенные в План мероприятий («дорожную карту») шестнадцать ключевых направлений полностью обходят этот вопрос.

Определив расхождения в оперантных понятийных подходах, постараемся проанализировать: насколько критичным продолжает оставаться фактор отставания России по уровню самообеспечения основными продовольственными товарами от развитых стран? Тем самым мы попытаемся определить степень его воздействия на перспективы отраслевой ESG-трансформации («факторный вес»). Для большей верифицируемости используемых в нашем исследовании данных обратимся к промежуточным

---

¹⁵ Распоряжение Правительства РФ от 9 июня 2020 года №1516-р об утверждении плана мероприятий («дорожной карты») по реализации положений Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации // Правительство РФ, дата публикации: 15.06.2020 [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/docs/39874> (дата обращения: 15.02.2022).

результатам мониторинга продовольственной безопасности, ведущегося тем же Центром агропродовольственной политики ИПЭИ РАНХиГС и публикуемого в виде дашборда «Мониторинг продовольственной безопасности»¹⁶.

В мониторинге приводится уровень самообеспечения основными продовольственными товарами в России, среди которых 9 агропродовольственных позиций: зерно, картофель, молоко и молокопродукты (в пересчете на молоко), мясо и мясопродукты (в пересчете на мясо), овощи и бахчевые культуры, растительное масло, рыба и рыбопродукты (в живом весе сырца), сахар, фрукты и ягоды.

В рамках нашей работы мы постараемся кратко проанализировать каждую из представленных позиций по следующим параметрам: уровень самообеспечения и доля импорта к производству. Хронологические рамки заданы исходными значениями самого мониторинга – это 2015–2020 гг. Количественные индикаторы пороговых значений базируются на приведенной в п.9 Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации методологии расчета *продовольственной независимости*, определяемой как уровень самообеспечения в процентах, рассчитываемый как отношение объема отечественного производства сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия к объему их внутреннего потребления и имеющий пороговые значения в отношении:

- а) зерна – не менее 95 процентов;
- б) сахара – не менее 90 процентов;
- в) растительного масла – не менее 90 процентов;
- г) мяса и мясопродуктов (в пересчете на мясо) – не менее 85 процентов;
- д) молока и молокопродуктов (в пересчете на молоко) – не менее 90 процентов;
- е) рыбы и рыбопродуктов (в живом весе – весе сырца) – не менее 85 процентов;
- ж) картофеля – не менее 95 процентов;
- з) овощей и бахчевых – не менее 90 процентов;
- и) фруктов и ягод – не менее 60 процентов;

---

¹⁶ Центр агропродовольственной политики: Мониторинг продовольственной безопасности // Центр агропродовольственной политики ИПЭИ РАНХиГС [Электронный ресурс]. URL: <https://datastudio.google.com/reporting/39feafd4-7ac3-4786-821e-34b59ccef4d5/page/HrnsB> (дата обращения: 15.02.2022).

к) семян основных сельскохозяйственных культур отечественной селекции – не менее 75 процентов;

л) соли пищевой – не менее 85 процентов.

Таким образом, по состоянию на 2020 год общая динамика по девяти рассчитываемым агропродовольственным позициям репрезентирована следующим образом:

Зерно:

Начиная с 2015 года и по 2020 год включительно достигнутые фактические значения по зернопроизводству в стране стабильно превышают пороговые показатели. В 2020 году показатель составлял 167,6 пунктов при пороговом значении в 95 процентных пунктов (п.п.).

Соответственно низкими в зерновом секторе являются показатели импорта к производству: 0,3% в 2020 году (при производстве 133,4 млн тонн и импорте в объеме 0,4 млн тонн). Для сравнения: в 2015 году показатель составлял 0,76% (при производстве 104,7 млн тонн и импорте в объеме 0,8 млн тонн).

Заметим, что внутреннее потребление зерновых в России с 2013 по 2020 гг. увеличилось на 24,6% (+ 10,9 млн тонн) – рост как в относительных, так и абсолютных значениях превысил динамику производственного потребления в стране за сопоставимый период (соответственно: 4,7% и + 3,9 млн тонн (см. Рис. 3). В целом признаем: вряд ли общий рост внутреннего потребления выглядит сколько-нибудь впечатляющим – проблема дефицита зерноперерабатывающих мощностей продолжает и поныне оставаться актуальной, и тот же рынок экспорта зерна и его переработки продолжает действовать во многом в виде автономных несвязанных звеньев.

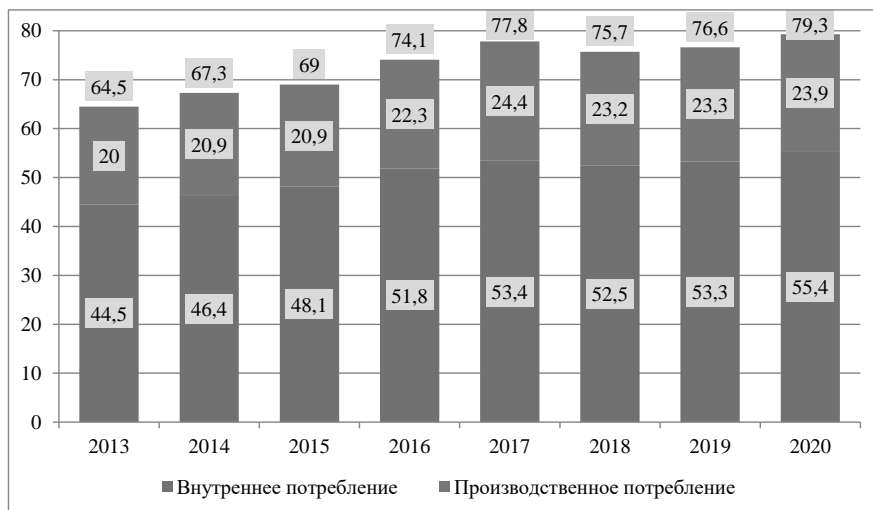

Рис. 3 – Годовой объем потребления зерновых в России с 2013 по 2020 гг. (по видам потребления, в млн тонн)

Источник: Statista 2022 (Statista.com)

Картофель:

Уровень самообеспечения за все наблюдаемое с 2015 года время находится в пределах границ порогового значения (установленного на уровне в 95 п.п.), демонстрируя за последние несколько лет даже тенденцию к снижению: 95,3 п.п. в 2018 году; 95,1 п.п. в 2019-м и 89,2 п.п. – в 2020 году.

Доля импорта к производству составила в 2020 году 3,82%, при производстве 19,6 млн тонн и импорте в объеме 0,74 млн тонн (Рис. 4). Для сравнения: в 2015 году данный показатель составлял 4,05% (при производстве 25,4 млн тонн и импорте в объеме 1,03 млн тонн).

Важно понимать – внутреннее потребление картофеля, начиная с 1990-х годов, неуклонно снижается и, как отмечается ведущими аграрными экономистами, с началом пандемического цикла в 2020 году данный тренд оказался особенно заметным. Проведенные в том же году бюджетные обследования домохозяйств вообще выявили 30%-й разрыв между средним уровнем потребления картофеля (59,9 кг на человека) и балансовыми расчетными показателями [12, с.56].

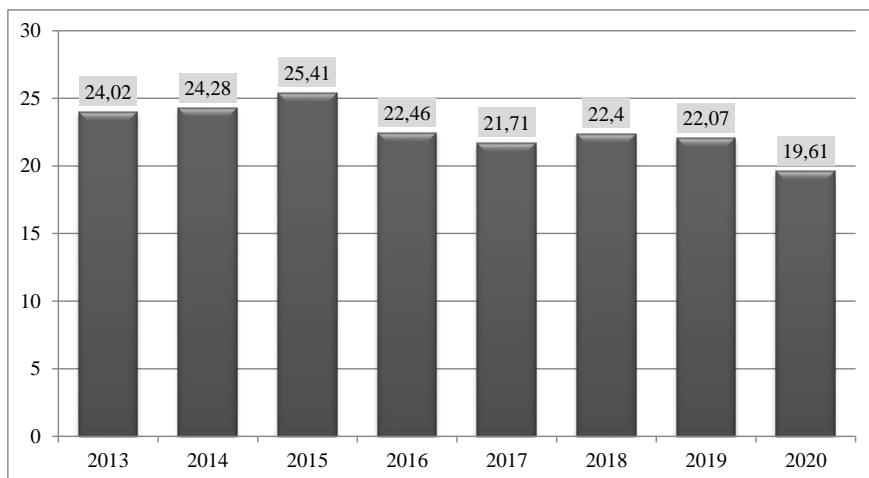

Рис. 4 – Годовой объем производства картофеля в России с 2013 по 2020 гг. (в млн тонн)

Источник: Statista 2022 (Statista.com)

Молоко и молокопродукты (в пересчете на молоко):

Несмотря на постепенный ежегодный рост, уровень самообеспечения по молоку и молокопродуктам продолжает немного уступать установленному пороговому значению (90 п.п.): 84,1 в 2020 году.

Доля импорта к производству в молочном секторе в 2020 году составила 21,76% (при производстве 32,2 млн тонн и импорте в объеме 7 млн тонн). Для сравнения: в 2015 году показатель составлял 26,6% (при производстве 29,8 млн тонн и импорте в объеме 7,95 млн тонн).

Мясо и мясопродукты (в пересчете на мясо):

В целом по уровню самообеспечения в мясном сегменте наблюдается относительно благополучная ситуация. Если по факту уровень 2015 года составлял 88,7 п.п., то, непрерывно возрастая все последующие годы, в 2020–м он достиг 99,4 пунктов (при сохранении порогового значения на уровне 85 п.п.).

Относительно невелика доля импорта: 5,78% в 2020 году (при производстве в 11,2 млн тонн и импорте в объеме 0,64 млн тонн). Для сравнения: в 2015 году показатель составлял 14,28% (при производстве 9,5 млн тонн и импорте в объеме 1,36 млн тонн).

Однако отметим: динамичный рост подушевого потребления мяса в России, происходивший с начала 2000-х годов (45 кг/чел. в 2000 году) и продолжавшийся по первую половину 2010-х годов, в последующем серьезно замедлился, в итоге стабилизировавшись в коридоре от 73 кг/чел. в 2015 г. до 76 кг/чел. в 2020 г.¹⁷, что наглядно продемонстрировано на примере расчетных данных в Рис. 5.

Несмотря на довольно высокие показатели самообеспечения по мясу и мясопродуктам в России, тем не менее в последние годы потребители столкнулись со сверхинфляционным ростом розничных цен. Так, по данным Центра отраслевой экспертизы Россельхозбанка, озвученным на XXI ежегодной отраслевой конференции «Агрохолдинги России – 2021» (10 декабря 2021 г.), в период октября 2021/2020 гг. наибольший рост в рознице произошел в категории «куры охлажденные и мороженые» – на 30%, на второй позиции «окорочка куриные» – на 20%, следом «баранина» – на 15%, затем «свинина бескостная» – на 12% и говядина бескостная – на 11%.

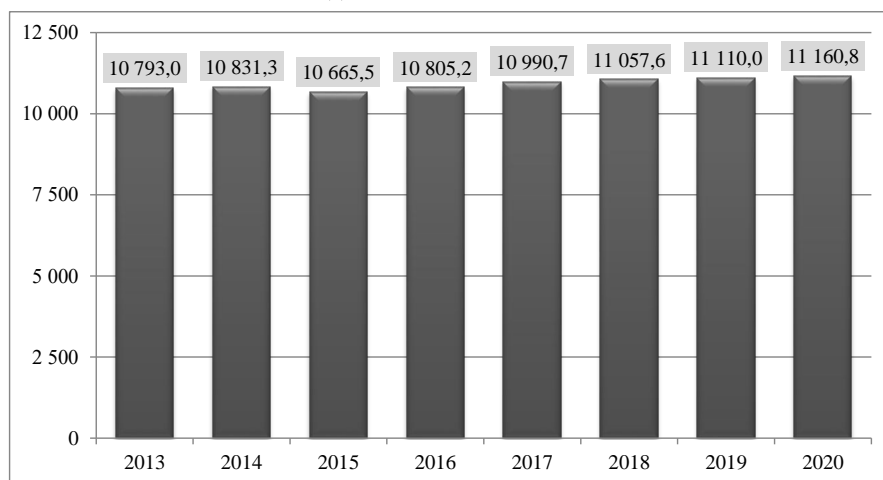

Рис. 5 – Годовой объем внутреннего потребления мяса и мясопродуктов в России с 2013 по 2020 гг. (в тыс. тонн)

Источник: Statista 2022 (Statista.com)

Овощи и бахчевые культуры:

¹⁷ Согласно данным Центра отраслевой экспертизы Россельхозбанка.

В овощном сегменте наблюдается пусть и небольшое, но недостижение порогового значения (90 п.п.) на протяжении всего наблюдаемого с 2015 года периода. Уровень самообеспечения стабильно удерживается в пределах 86–87 п.п., остановившись в 2020 году на 86,3 п.п.

Доля импорта к производству в сегменте составила в 2020 году 13,97% (при производстве 15,4 млн тонн и импорте в объеме 2,15 млн тонн). Для сравнения: в 2015 году показатель составлял 17,66% (при производстве 14,96 млн тонн и импорте в объеме 2,64 млн тонн).

Растительное масло:

Сегмент растительного масла демонстрирует значительные показатели превышения фактических показателей над пороговым (на уровне 90 п.п.). В 2020 году он составил 158 п.п. (125,5 п.п. в 2015 году).

Доля импорта к производству в сегменте составила в 2020 году 16,08% (при производстве 7,4 млн тонн и импорте в объеме 1,2 млн тонн). Для сравнения: в 2015 году показатель составлял 21,45% (при производстве 4,66 млн тонн и импорте в объеме 1 млн тонн).

Рыба и рыбопродукты (в живом весе сырца):

В рыбном сегменте довольно высокие цифры превышения фактических показателей над пороговым значением, установленным на уровне 85 п.п. В 2020 году показатель достиг 160,7 п.п., причем в 2015 году он равнялся 132,8 п.п.

Относительно доли импорта, то в 2020 году в рыбном сегменте она составила 23,41% (при производстве 5,14 млн тонн и импорте в объеме 1,2 млн тонн). Для сравнения: в 2015 году показатель составлял 23,48% (при производстве 4,49 млн тонн и импорте в объеме 1,05 млн тонн).

Сахар:

С учетом установленного по сахару порогового значения на уровне 90 п.п. фактическое значение в 2020 году составило 100,8 п.п. Спецификой сегмента является его волатильность: так, годом раньше фактический показатель и вовсе составлял 128 п.п. Хотя в целом с 2015 по 2018 гг. уровень самообеспечения находился в коридоре 102–108 п.п.

Доля сахарного импорта в 2020 году составила 2,79% (при производстве 5,79 млн тонн и импорте в объеме 0,16 млн тонн). Для сравнения: в 2015 году показатель составлял 6,07% (при производстве 5,74 млн тонн и импорте в объеме 0,26 млн тонн).

Фрукты и ягоды:

Несмотря на стабильный постепенный рост, тем не менее по своим фактическим показателям фруктово-ягодный сегмент продолжает значительно уступать пороговому значению, установленному на уровне 60 п.п.. Если в 2015 году по факту оно равнялось 32,5 п.п., то к 2020-му уже достигло 42,4 п.п.

Доля импорта в сегменте предсказуемо велика: 143,61% в 2020 году (при производстве 4,34 млн тонн и импорте в объеме 6,23 млн тонн). Для сравнения: в 2015 году показатель и вовсе составлял 203,8% (при производстве 3,19 млн тонн и импорте в объеме 6,51 млн тонн).

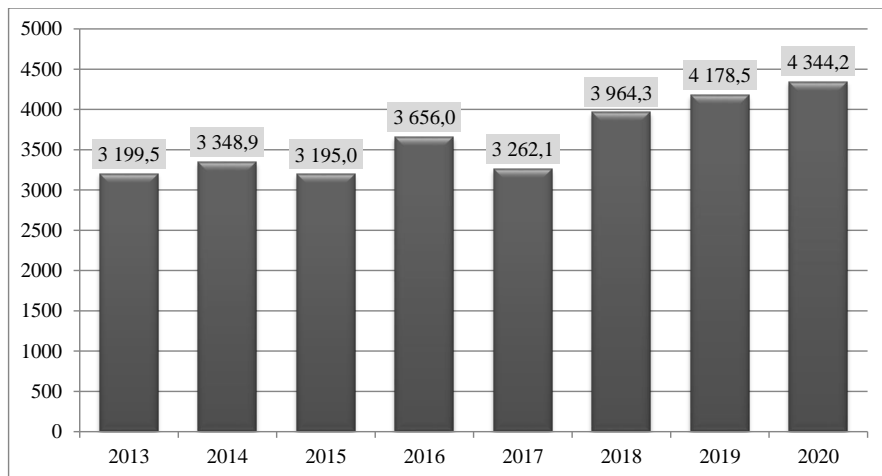

Рис. 6 – Годовой объем производства фруктов и ягод в России с 2013 по 2020 гг. (в тыс. тонн)

Источник: Statista 2022 (Statista.com)

Таким образом, по четырем агропродовольственным позициям (картофель, молоко и молокопродукты, овощи и бахчевые культуры, фрукты и ягоды) не достигнуты пороговые уровни самообеспеченности, по остальным наблюдается довольно позитивная динамика. Причем если в 2014 году в тех же работах Центра агропродовольственной политики ИПЭИ РАНХиГС акцент делался на импортозависимости страны по мясу и общей стагнации молочного скотоводства, то, по состоянию на 2020 год, ситуация формально уже выглядит вполне благополучно, а доля импорта, начиная с 2015 года, и вовсе сократилась в 2,5 раза. Конечно, сравнительно хуже ситуация по молоку и молокопродуктам – рост показателей самообеспечения там идет гораздо медленнее, при этом доля

импорта за это время все же сократилась с 26,6% в 2015 году до 21,7% в 2020-м.

Эксперты Центра агропродовольственной политики ИПЭИ РАНХиГС пусть и с оговорками, но в целом положительно оценивают достигнутый на 2020 год результат по основным агропродовольственным позициям [13, с.36]. Вторит подобному заключению и ведомственная позиция: в ходе правительственного совещания в декабре 2020 года глава Минсельхоза РФ Дмитрий Патрушев в своем докладе президенту страны сообщил о достижении показателей самообеспечения «по основным продуктам питания в соответствии с новой доктриной» [14]¹⁸. О превышении большинства целевых показателей самообеспечения основными продуктами питания, установленными Доктриной, говорит и *добровольный национальный обзор*, подготовленный в том же 2020 году Аналитическим центром при Правительстве РФ, с целью определения текущего положения России на пути к достижению Целей устойчивого развития [16, с.46]¹⁹.

Можно резюмировать: значимость (или вес) фактора низкого либо недостаточного уровня самообеспечения основными продовольственными товарами, определенными Доктриной продовольственной безопасности Российской Федерации (2020), не представляется настолько критически высоким, чтобы в существующих обстоятельствах делать выводы о неготовности сельского хозяйства и АПК России к процессам ESG-трансформации и необходимости сдерживания перехода к нему.

Правда, в своей недавно вышедшей монографии эксперты Центра делают важную оговорку, указывая на то, что «превышение порогового уровня еще не является свидетельством улучшения физического и экономического доступа к продовольствию», поскольку «рост производства/вылова может

---

¹⁸ Справедливости ради необходимо уточнить, что декабре 2020 года глава Минсельхоза РФ в ходе своего доклада оговаривал, что по трем продовольственным позициям: «молоко и молокопродукты», «овощи и бахчевые культуры» и «фрукты и ягоды» – наблюдается отставание от целевых индикаторов, при этом «по основным другим категориям цифры нами достигнуты».

Уже в апреле 2021 года в ходе рабочей встречи с президентом Дмитрий Патрушев сообщил о недостижении по итогам 2020 года установленных параметров и по четвертой продовольственной позиции – картофелю [15].

¹⁹ Первый Добровольный национальный обзор достижения Российской Федерацией Целей устойчивого развития (ЦУР) и реализации Повестки в области устойчивого развития на период до 2030 года опубликован в июне 2020 года на официальном сайте ООН: <https://sustainabledevelopment.un.org/index.php?page=view&type=30022&nr=1686&menu=3170>.

Обзор отражает достижения Российской Федерации по всем 17 Целям устойчивого развития и содержит результаты комплексного мониторинга социально-экономического развития и развития системы стратегического планирования за период с 2015 года.

сопровождаться ростом экспорта при недостижении рекомендованной нормы потребления в семьях» [13, с.36]. Конечно, есть определяемая в соответствии с Доктриной продовольственной безопасности (2020 г.) формула экономической доступности продовольствия²⁰. Она определяется как отношение фактического потребления основной пищевой продукции на душу населения к рациональным нормам ее потребления, отвечающим требованиям здорового питания, с пороговым значением на уровне 100%. Тут эксперты апеллируют к неустраненной проблеме отсутствия единой общепризнанной методики оценки потребления. Это связано с имеющимися на сегодня двумя наборами данных – один связан с бюджетными обследованиями домохозяйств, а другой – с потреблением продуктов питания по балансам. При этом оба варианта «существенно различаются» [13, с.40].

Впрочем, как наглядно иллюстрирует пример с мясом и мясопродуктам, даже добившись превышения заложенного в Доктрине порогового значения на вполне весомые 14,4 п.п. в 2020 году, по факту же население столкнулось со значительным ростом розничных цен: в диапазоне от 9% («мясо индейки») до 30% («куры охлаждённые и мороженые»)²¹, что выше установленных Росстатом данных по инфляции в стране за 2021 год на уровне 8,39%.

Впрочем, эти вопросы уже вряд ли напрямую связаны с уровнем самообеспечения основными продовольственными товарами в России: с одной стороны, это сфера внешнеторговой (экспортно-импортной) регуляторной политики, а с другой – определения действенных механизмов работы государства с товарными агропродовольственными цепочками внутри страны без чрезмерного давления на инструменты поддержки несырьевого экспорта.

Здесь крайне важным оказывается соблюдение баланса между обозначенными группами регуляторного и опосредованного воздействия. В частности, по словам Вадима Мошковича, председателя совета директоров ООО «Группа Компаний “Русагр”», из общего объема производства сахара в России на уровне 6 млн тонн [17] в розничную продажу, наиболее чувствительную для населения, поступает 1,5 млн тонн. Аналогичная ситуация, только с близким порядком цифр, наблюдается и на рынке растительного масла. Причем под действие регуляторных мер, определенных подписанными 16 декабря 2020 года со стороны Минсельхоза России, Минпромторга России,

---

²⁰ О необходимости обеспечения экономической доступности продовольствия для населения, при выполнении Доктрины было заявлено уже в ходе правительственного совещания в конце 2020 года [14].

²¹ Согласно данным Центра отраслевой экспертизы Россельхозбанка.

торговых сетей и производителей соглашениями, установивших предельные цены на сахар и подсолнечное масло [18], подпал, по словам Вадима Мошковича, весь объем производимой в стране продукции («чувствительны 10–15%, а регулируется вся отрасль») [19].

Признаем: избыточное давление на внутренние агропродовольственные рынки способно создать потенциальные риски для инициации и реализации инфраструктурных проектов в рамках зеленой/адаптационной таксономии, принятых Распоряжением Правительства РФ от 14.07.2021 № 1912-р²² и Постановлением Правительства № 1587 от 21 сентября 2021 года²³. Речь прежде всего идет о мотивационных факторах ESG-инвестирования, как правило, связанных с долгосрочными целевыми установками и зачастую соотносимых корпоративным сектором с дополнительными экологическими обязательствами (не принципиально: добровольными, под давлением регуляторной практики либо вследствие нарастания репутационных или общественных рисков). Пока же, как признается со стороны российских банков, в целом российские инвесторы в АПК-сегменте не видят ESG-факторы в числе приоритетных при финансировании отраслевых проектов [20].

Заключение

Резюмируя предпринятую в настоящей статье попытку соотнесения ключевого для отечественного сельского хозяйства и АПК национального документа стратегического планирования – Доктрины продовольственной безопасности России и проблематики развития устойчивого производства продовольствия и ведения сельского хозяйства (в т.ч. ESG-трансформации), выделим ряд результирующих тезисов:

1. Доктрина и План мероприятий в целом слабо коррелирует с тематикой устойчивого развития и адаптации к природно-климатическим угрозам и рискам. При реактуализации доктринальных установок указанные аспекты необходимо учитывать и связывать с общепринятыми международными

---

²² Распоряжение Правительства РФ от 14.07.2021 № 1912-р «Об утверждении целей и основных направлений устойчивого (в том числе зеленого) развития Российской Федерации» // [Publication.pravo.gov.ru](http://publication.pravo.gov.ru): Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107200045?index=0&rangeSize=1> (дата обращения: 15.02.2022).

²³ Постановление Правительства РФ от 21.09.2021 № 1587 «Об утверждении критериев проектов устойчивого (в том числе зеленого) развития в Российской Федерации и требований к системе верификации проектов устойчивого (в том числе зеленого) развития в Российской Федерации» // [Publication.pravo.gov.ru](http://publication.pravo.gov.ru): Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202109240043> (дата обращения: 15.02.2022).

практиками. В последнем случае как стандарт-минимум – на уровне национальных соглашений и обязательств в рамках многостороннего сотрудничества, а также взаимодействия с профильными и уполномоченными организациями, действующими под эгидой ООН (ФАО, ЮНЕП, МГЭИК, COP26 и др.). Необходимость подобных мер продиктована в первую очередь необходимостью снятия потенциальных регламентирующих и нормативно-правовых барьеров в ходе привлечения зарубежных финансовых инструментов в сфере устойчивого развития.

2. Фактор риска качественного отставания российского сельского хозяйства от развитых стран не может в настоящее время выступать как полноценный действенный аргумент против перехода к ESG-трансформации.

Во-первых, по целому ряду основных агропродовольственных позиций за последнее время удалось добиться не только достижения, а то и значительного перекрытия уровня самообеспечения (например, по зерну, растительному маслу, рыбе и рыбопродуктам), по отдельным позициям – приблизиться к пороговым значениям.

Во-вторых, сама Доктрина продовольственной безопасности (2020) выступает с достаточно жестких и консервативных позиций нацеленности именно на обеспечение собственного производства основных продовольственных товаров. Такой подход не является общераспространенной практикой среди суверенных государств, он скорее являет собой пример, несомненно, амбициозной исключительности, особого случая. Поэтому рассматривать и оценивать возможность перехода к проектам устойчивого производства продовольствия и ведения сельского хозяйства (в т.ч. ESG-трансформации) через призму доктринальных требований по уровню самообеспеченности может оказаться методологически некорректным.

Целью настоящей исследовательской работы не является выявление оценочных характеристик заложенных Доктриной установок, но в условиях учащения случаев торговых войн, наиболее яркие и интенсивные по продолжительности примеры которых за последние несколько лет продемонстрирован в Азиатско-Тихоокеанском регионе, затяжной пандемии и связанной с ней серией локдаунов в ряде стран, а также существенных сбоев в глобальных логистических цепочках, такой подход может оказаться как минимум заслуживающим внимания, более того, потенциально не лишенным обоснования.

В-третьих, в настоящее время значимым и актуальным является проблема экономической доступности продовольствия для населения, нежели вопрос формального достижения уровня самообеспечения основными продовольственными товарами. Так, в частности, при превышении по растительному маслу на 68 п.п. в 2020 году (в сопоставлении с пороговым индикатором) российскому правительству, тем не менее, пришлось в том же году оперативно применять меры прямого регуляторного воздействия на формирование ценовой политики на внутрироссийском рынке растительного масла.

По своей совокупности все три приведенных довода указывают на то, что факторный вес тезиса о необходимости первоочередного достижения индикаторов самообеспечения и пессимизации в связи с этим переходных (транзитивных) проектов отраслевой ESG-трансформации является относительно невысоким, оказываясь вне существенного воздействия на выработку долгосрочных целей и задач отраслевого развития.

3. В условиях наблюдаемого отраслевого структурного дисбаланса, когда, с одной стороны, происходит приращение объема инвестсредств в основной капитал, а с другой – показатели вклада сельского хозяйства в ВВП страны демонстрируют определенную волатильность, демонстрируя даже сокращение абсолютных и относительных количественных значений, положительный экономико-инвестиционный и структурно-технологический эффект для отечественного АПК способна дать как можно проактивная инициация проектов (в т.ч. климатических) в рамках национальной зеленой таксономии, в т.ч. с выходом на внешние рынки устойчивого (ответственного) финансирования.

Указанные меры вполне могут стать действенным инструментом в решении поставленных правительственных задач по почти двукратному выходу в 2024 году на целевой показатель в 822 млрд руб. объема частного инвестирования в российский сельскохозяйственный сектор экономики. Не говоря уже о востребованности крупномасштабных капиталовложений в целях перехода сектора на путь развития в соответствии со стратегией низкоуглеродного развития и концепции климатически оптимизированного сельского хозяйства.

Список источников

1. Агропромышленный комплекс. Статистика Евразийского экономического союза: статистический сборник [Текст] / Евразийская экономическая комиссия. – Москва: 2020. – 147 с.
2. «На костылях госсубсидий» (Рубрика: Сельское хозяйство) // Коммерсантъ (Санкт-Петербург). «Экономический Форум», приложение № 97 от 06.06.2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3990001> (дата обращения 15.02.2022).
3. Динамика и структура ВВП России [Электронный ресурс] / Аналитический центр при Правительстве РФ: Бюллетень о текущих тенденциях российской экономики, № 62, июнь 2020. URL: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/BRE_62.pdf.
4. В Минсельхозе обсудили меры по повышению объема инвестиций в сельское хозяйство к 2024 году (Публикация от 08 апреля 2019) // Официальный сайт Министерства сельского хозяйства РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://mcx.gov.ru/press-service/news/v-minselkhoze-obsudili-meru-po-povysheniyu-obema-investitsiy-v-selskoe-khozyaystvo-k-2024-godu/> (дата обращения 15.02.2022).
5. Сбер готов выдавать сельхозпредприятиям зеленые и ESG-кредиты на специальных условиях (Публикация от 08 октября 2021) // Официальный сайт ПАО Сбербанк [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sberbank.com/ru/news-and-media/press-releases/article?newsID=ebc5681e-2ba5-41af-ac61-dfe8ce1f700f&blockID=7&regionID=50&lang=ru&type=NEWS> (дата обращения 15.02.2022).
6. **Назаренко В.И.** Продовольственная безопасность: в мире и в России [Текст] / В. И. Назаренко; Ин-т Европы РАН. – Москва: Памятники исторической мысли, 2011. – 286 с.
7. **Узун В.Я., Гатаулина Е.А., Сарайкин В.А., Карлова Н.А.** Методы оценки влияния аграрной политики на развитие сельского хозяйства [Текст] / М.: РАНХиГС, 2014. – 114 с.
8. ESG-трансформация финансового сектора в экономической реальности XXI века [Текст] / Под редакцией д.э.н., проф. РАН Л.С. Кабир, д.э.н. М.В. Сиговой. – Москва / Санкт-Петербург, 2022. – 294 с.
9. Сельское хозяйство и ESG-трансформация: вызовы и возможности (Публикация от 07 октября 2021 // СБЕР Про [Электронный ресурс]. URL: <https://sber.pro/events/selskoe-khoziaistvo-i-esg-transformatsiia-vyzovy-i-vozmozhnosti> (дата обращения 15.02.2022).
10. Ближе к столу: как в мире меняется подход к продовольственной безопасности (Публикация от 28 октября 2020) // СБЕР Про [Электронный

ресурс]. URL: <https://sber.pro/publication/blizhe-k-stolu-kak-v-mire-meniaetsia-podkhod-k-prodovolstvennoi-bezopasnosti> (дата обращения 15.02.2022).

11. Устойчивое производство продовольствия и ведение сельского хозяйства // Официальный сайт Продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединенных Наций (ФАО ООН) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fao.org/sustainability/background/ru/> (дата обращения 15.02.2022).

12. **Терновский Д.С., Шагайда Н.И.** Цена на картофель: факторы роста и способы снижения [Текст] // Экономическое развитие России (ноябрь, 2021). Москва. 2021. Том. 28. № 11. С. 56–61.

13. **Шагайда Н.И., Узун В.Я., Гатаулина Е.А., Шишкина Е.А.** Оценка состояния продовольственной безопасности Российской Федерации [Текст] / Н. И. Шагайда, В.Я. Узун, Е.А. Гатаулина, Е.А. Шишкина/ Институт прикладных экономических исследований РАНХ и ГС. – Москва, 2020.

14. Совещание с членами Правительства (от 09.12.2020) // Kremlin.ru: Официальный сайт Президента России [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/64623> (дата обращения 15.02.2022).

15. Рабочая встреча с Министром сельского хозяйства Дмитрием Патрушевым (от 05.04.2021) // Kremlin.ru: Официальный сайт Президента России [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/65276> (дата обращения 15.02.2022).

16. Добровольный национальный обзор хода осуществления Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года // Официальный сайт Аналитического центра при Правительстве РФ, 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/analitika/DNO.pdf> (дата обращения 15.02.2022).

17. В 2020 г производство сахара в России составило 6 млн т, вернувшись на уровень 2016 г. (Публикация от 04.02.2021) // РБК BUSINESSSTAT [Электронный ресурс]. URL: <https://marketing.rbc.ru/articles/12170/> (дата обращения 15.02.2022).

18. Как за год в России изменилась цена на сахар (Публикация от 12.01.2022) // РБК Бизнес [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/business/12/01/2022/61dc1ac09a79473a3c32952a> (дата обращения 15.02.2022).

19. Мировой продовольственный кризис и его проявление в России (Трансляция от 14.01.2022) // Официальный сайт Гайдаровского форума – 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://gaidarforum.ru/ru/programme-2022/2548/> (дата обращения 15.02.2022).

20. Экспертная сессия: «ESG в агро: зеленый или карбоновый?» (Трансляция от 15.12.2021) // Официальный сайт VIII Конгресса «Инновационная практика: наука плюс бизнес» [Электронный ресурс]. URL: <https://scienceplusbusiness.online/15-12-2021> (дата обращения 15.02.2022).

References

1. Agropromyshlennyj kompleks. Statistika Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza: statisticheskij sbornik [Tekst] / Evrazijskaya ekonomicheskaya komissiya. – Moskva: 2020. – 147 s.
2. «Na kostylyh gossubsidij» (Rubrika: Sel'skoe hozyajstvo) // Kommersant" (Sankt-Peterburg). «Ekonomicheskij Forum», prilozhenie № 97 ot 06.06.2019 [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3990001> (data obrashcheniya 15.02.2022).
3. Dinamika i struktura VVP Rossii [Elektronnyj resurs] / Analiticheskij centr pri Pravitel'stve RF. Byulleten' o tekushchih tendenciyah rossijskoj ekonomiki, № 62, iyun' 2020. URL: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/BRE_62.pdf
4. V Minsel'hoze obsudili mery po povysheniyu ob"ema investicij v sel'skoe hozyajstvo k 2024 godu. (Publikaciya ot 08 aprelya 2019) // Oficial'nyj sajt Ministerstva sel'skogo hozyajstva RF [Elektronnyj resurs]. URL: <https://mcx.gov.ru/press-service/news/v-minselkhoze-obsudili-mery-po-povysheniyu-obema-investitsiy-v-selskoe-khozyaystvo-k-2024-godu/> (data obrashcheniya 15.02.2022).
5. Sber gotov vydavat' sel'hozpredpriyatijam zelyonye i ESG-kredity na special'nyh usloviyah (Publikaciya ot 08 oktyabrya 2021) // Oficial'nyj sajt PAO Sberbank [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.sberbank.com/ru/news-and-media/press-releases/article?newsID=ebc5681e-2ba5-41af-ac61-dfe8ce1f700f&blockID=7&ionID=50&lang=ru&type=NEWS> (data obrashcheniya 15.02.2022).
6. **Nazarenko V.I.** Prodovol'stvennaya bezopasnost': v mire i v Rossii [Tekst] / V. I. Nazarenko; In-t Evropy RAN. – Moskva: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2011. – 286 s.
7. **Uzun V.YA., Gataulina E.A., Sarajkin V.A., Karlova N.A.** Metody ocenki vliyaniya agrarnoj politiki na razvitie sel'skogo hozyajstva [Tekst] / M.: RANHiGS, 2014. – 114 s.
8. ESG-transformaciya finansovogo sektora v ekonomicheskoy real'nosti XXI veka [Tekst] / Pod redakciej d.e.n., prof. RAN L.S. Kabir, d.e.n. M.V. Sigovoj. – Moskva / Sankt-Peterburg, 2022. – 294 s.
9. Sel'skoe hozyajstvo i ESG-transformaciya: vyzovy i vozmozhnosti (Publikaciya ot 07 oktyabrya 2021 // SBER Pro [Elektronnyj resurs]. URL: <https://sber.pro/events/selskoe-khoziaistvo-i-esg-transformatsiia-vyzovy-i-vozmozhnosti> (data obrashcheniya 15.02.2022).
10. Blizhe k stolu: kak v mire menyaetsya podhod k prodovol'stvennoj bezopasnosti (Publikaciya ot 28 oktyabrya 2020) // SBER Pro [Elektronnyj resurs].

URL: <https://sber.pro/publication/blizhe-k-stolu-kak-v-mire-meniaetsia-podkhodk-prodovolstvennoi-bezopasnosti> (data obrashcheniya 15.02.2022).

11. Ustojchivoe proizvodstvo prodovol'stviya i vedenie sel'skogo hozyajstva // Oficial'nyj sayt Prodovol'stvennoj i sel'skohozyajstvennoj organizacii Ob"edinyonnyh Nacij (FAO OON) [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.fao.org/sustainability/background/ru/> (data obrashcheniya 15.02.2022).

12. **Ternovskij D.S., SHagajda N.I.**, Cena na kartofel': faktory rosta i sposoby snizheniya [Tekst] // Ekonomicheskoe razvitie Rossii (noyabr', 2021). Moskva. 2021. Tom. 28. № 11. S. 56–61.

13. **SHagajda N.I., Uzun V.YA., Gataulina E.A., SHishkina E.A.** Ocenka sostoyaniya prodovol'stvennoj bezopasnosti Rossijskoj Federacii [Tekst] / N. I. SHagajda, V.YA. Uzun, E.A. Gataulina, E.A. SHishkina / Institut prikladnyh ekonomicheskikh issledovanij RANH i GS. – Moskva, 2020.

14. Soveshchanie s chlenami Pravitel'stva (ot 09.12.2020) // Kremlin.ru: Oficial'nyj sayt Prezidenta Rossii [Elektronnyj resurs]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/64623> (data obrashcheniya 15.02.2022).

15. Rabochaya vstrecha s Ministrom sel'skogo hozyajstva Dmitriem Patrushevym (ot 05.04.2021) // Kremlin.ru: Oficial'nyj sayt Prezidenta Rossii [Elektronnyj resurs]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/65276> (data obrashcheniya 15.02.2022).

16. Dobrovol'nyj nacional'nyj obzor hoda osushchestvleniya Povestki dnya v oblasti ustojchivogo razvitiya na period do 2030 goda // Oficial'nyj sayt Analiticheskogo centra pri Pravitel'stve RF, 2020 [Elektronnyj resurs]. URL: <https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/analitika/DNO.pdf> (data obrashcheniya 15.02.2022).

17. V 2020 g proizvodstvo sahara v Rossii sostavilo 6 mln t, vernuvshis' na uroven' 2016 g. (Publikaciya ot 04.02.2021) // RBK BUSINESSSTAT [Elektronnyj resurs]. URL: <https://marketing.rbc.ru/articles/12170/> (data obrashcheniya 15.02.2022).

18. Kak za god v Rossii izmenilas' cena na sahar (Publikaciya ot 12.01.2022) // RBK Biznes [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.rbc.ru/business/12/01/2022/61dc1ac09a79473a3c32952a> (data obrashcheniya 15.02.2022).

19. Mirovoj prodovol'stvennyj krizis i ego proyavlenie v Rossii (Translyaciya ot 14.01.2022) // Oficial'nyj sayt Gajdarovskogo foruma – 2022 [Elektronnyj resurs]. URL: <https://gaidarforum.ru/ru/programme-2022/2548/> (data obrashcheniya 15.02.2022).

20. Ekspertnaya sessiya: «ESG v agro: zelenyj ili karbonovyj?» (Translyaciya ot 15.12.2021) // Oficial'nyj sayt VIII Kongressa «Innovacionnaya praktika: nauka plyus biznes» [Elektronnyj resurs]. URL: <https://scienceplusbusiness.online/15-12-2021> (data obrashcheniya 15.02.2022).